

ЛАРИСА РОМАНОВСКАЯ

ЗАХОЛУСТЬЕ

•МОЙ ПУТЬ•

Лариса Андреевна Романовская
Захолустье. Мой путь
Серия «Захолустье», книга 2
Серия «Фэнтези нового
поколения. Захолустье»

pdf
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69071521
Захолустье. Мой путь:
ISBN 978-5-17-152167-7

Аннотация

Продолжение истории странного мира под названием «Захолустье», в который попала обычная школьница Вика. Здесь по-прежнему человеческие эмоции – главный ресурс для жителей, получающих тепло и свет из экранов. Здесь Вика носит прозвище Дым и она – донор. Её эмоции по-прежнему предмет торга, причина раздоров и самая желанная нажива для злоумышленников.

Первая книга цикла «Захолустье. Пока я здесь» стала лауреатом премии «Алиса» как лучшее фантастическое произведение для детей и подростков.

Для среднего и старшего школьного возраста.

Содержание

Часть первая	8
Глава I	9
Глава II	25
Глава III	40
Глава IV	49
Глава V	57
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Лариса Романовская

Захолустье

Мой путь

© Романовская Л., 2023

© Савояр С., иллюстрации, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

ПОСВЯЩАЕТСЯ АСЕ ШЕВ (АНАСТАСИИ
ШЕВЧЕНКО)

ТЕ, КТО СИЯЕТ, ИНОГДА УМЕЮТ ВИДЕТЬ ТО,
ЧТО ДОЛЖНО СЛУЧИТЬСЯ И, ДУМАЮ,
ИНОГДА —

ТО, ЧТО УЖЕ СЛУЧИЛОСЬ
СТИВЕН КИНГ, «СИЯНИЕ»

Часть первая

Глава I

Больше всего в этой реальности мне не хватает мобильного телефона. Нет, больше всё-таки мамы и собаки по кличке Мелочь. И смысла жизни. Нет, вообще всей моей реальности.

Зато здесь, в Захолустье, у меня есть Тай. А в том, нашем, мире – сверхспособности. Хотя эти свои способности я потратила, чтобы в нашем мире не случилось катастрофы. И я до сих пор не уверена, удалось мне или нет. Я ничего те-

перь не знаю про свою настоящую реальность. Живы ли все? Как там мама, папа и Мелочь? И театральная студия. И вообще всё. Так что, больше всего в Захолустье мне не хватает информации. А ещё здесь нет интернета и кофе. Вообще совсем.

Зато есть старый город, который контролируют две группировки: Орден Милосердия и Клан Ключа. Тут есть морской залив, горы, Экран, из которого идёт энергия. Разные люди из Ордена Милосердия – я именно в нём состою, и у меня там важная роль. А ещё у меня есть Тай. Моя лучшая подруга во всех известных мне измерениях. Поэтому я не сдаюсь и не раскисаю.

Ну, почти не раскисаю.

– Понимаешь, мне это снится. Вот я дома, там всё как раньше. Прихожу, а папа и мама всегда спят. И я хожу тихонечко, ну, холодильник открываю, умываюсь. Кофе пью! Потом папа, например, просыпается, и я начинаю прятаться, чтобы он меня не видел. Как-то странно. За дверь шкафа встаю, например. Ну, вообще-то за дверью шкафа легко человека найти. Правда, Тай? Или я прямо у папы за спиной стою, а он не замечает. Вот ты бы заметила, если бы человек был у тебя за спиной? А они не видят. А потом они... мама и папа... собираются уходить. И я хочу с ними тоже уйти. И я тогда выхожу из-за шкафа или из-за папиной спины. И они оба меня видят. И радуются! Мама говорит: «Викуша», а папа сразу начинает всякие задания давать, типа, иди возь-

ми на кухне удлинитель...

– Удлинение? Он делает... что?

– Ну, я потом объясню, что это, ладно? В общем, папа просто говорит, там, дай мне вот это или поддержи вот здесь. Как обычно: вообще не удивляется. И я делаю ещё один шаг. Хочу помочь. Или что-нибудь сказать! И просыпаюсь! Вот. Я вздыхаю.

Тай молчит.

Мы с ней сидим в дальней комнате книгоубежища. Ближе всего к саду. Там стоят скульптуры книжных героев. Старик, старуха, заяц... мой любимый мальчик с котёнком.

Сейчас темно и сад не видно, но я знаю, что мальчик там. Мне кажется, что ему холодно. Нам тоже холодно. Даже в комнате. Мы пьём чай. Не совсем чай – цветную тёплую воду. Вкус у неё как у простой тёплой воды. Но это неважно. Можно держать в ладонях белую толстую кружку и рассказывать Тай о снах.

– Сегодня опять снилось. Раньше было наоборот, я там засыпала и приходила к вам. Через портал.

– Через Арку Героя! – поправляет Тай.

– Через дырку в обоях!

Я злюсь и мне смешно! Прямо пополам сгибает от смеха. Даже водичка в кружке летит во все стороны.

– Забрызгаешь! Убогая! – кричит Тай и тоже смеётся.

– Сама убогая!

– А ты... ты ущербная!

– А ты дважды ущербная!

– А ты в миллион раз!

– А ты... ты... – и я выпаливаю, не успев подумать. – А ты из дома милосердия!

Тай больше не улыбается. Совсем. Мотает головой, короткие чёрные волосы бьют её по щекам. Такая стрижка здесь называется «крыло ласточки». А у нас... А там называется «каре». Я не знаю теперь, где моё «у нас». Я здесь уже месяц живу. А сколько времени прошло там, дома, не знаю. Может, всего пара часов.

– Я не... – жёстко говорит Тай.

– Тай! Извини, пожалуйста! Я не хотела!

– Да ничего, – Тай машет рукой, в которой зажата белая кружка.

Теперь я тоже вся в брызгах. Надо высохнуть. А то пока до дома дойду, замёрзну даже в пальто.

– Тай, давай экран зажжём? Согреемся!

Тай корчит рожу. Двигает губы то к одной щеке, то к другой. Нос из-за этого дёргается во все стороны. Я не знаю, это она просто так или это, например, как у нас... как там средний палец?

– Ну давай! А то мне ещё спать здесь!

– Да? Почему?

– Мать домой отпустили.

– Ты не говорила.

– Ну... А чего говорить? – Тай пожимает плечами. –

Включай давай. Сейчас чайник согреем заодно.

Мы идём в большую комнату, туда, где стулья рядами и белый экран. Он немного светится синеватым. Мигает. Там у нас, у меня дома, похоже, может мигать табличка с номером дома, если в ней лампочка испортилась. Но экран не испорчен. Просто в нём почти нет энергии. Это плохо. Сейчас осень, всем нужно много тепла и света!

В комнате мы одни. Уже поздно, книгоубежище закрыто. Тут тихо, хорошо. Пахнет осенними цветами из вазы. Можно говорить о самых разных вещах. О снах, после которых хочется плакать и домой. О делах Тай. О Юре, который до сих пор...

– Юра-Юра, я такая дура! – тихонько пою я.

– Что? – Тай снова рассекает воздух волосами. И правда – как крыло.

– Это такая песня у нас там есть. Я не рассказывала?

– Нет. Смешная.

– Хочешь, ещё спою?

– Нет, спасибо. Лучше покажи... того...

– Жерома!

Я смотрю на экран и вспоминаю французский мюзикл. Тот, который люблюнимагу. Я столько раз его смотрела, что могу показать наизусть весь целиком. Но я выбираю арию про выбор пути. Этого хватит, чтобы экран загорелся ровным белым светом и стало теплее. И чтобы зарядился ключ для плиты, который Тай вынула из кармана.

Всего одна песня. Её хватит, чтобы согреться и приготовить ужин. Хотя дорогой Ж понятия об этом не имеет. Да никто у нас... у них там не имеет понятия, что энергия бывает такой. Из эмоций.

Я смотрю на экран. Вспоминаю своё личное счастье. Ария такая красивая, что, когда она звучит, не может быть плохо. Никому и никогда. Только я сейчас всё равно не могу улыбаться. Потому что я слушала эту арию дома и в школе, и в больнице, и на даче, и в поликлинике, и на улице, когда гуляла с Мелочью. Это часть той моей жизни.

Именно часть. Как осколок любимой чашки. Можно восстановить узор, но не всю чашку целиком. Уже разбилась, больше её не будет никогда. Мне кажется, когда я вернусь, меня всё равно больше не будет никогда целиком. Я даже не знаю, вернусь я вообще или нет.

Экран мигает, изображение замирает. Так, стоп! Мне надо согреть чайник. И я запускаю песню с начала. Смотрю, какой же он красивый – мой Жером. Я надеюсь, что у него всё в порядке. Пока я в Захолустье, я не могу читать его блог, лайкать фото его кота Монаха, смотреть видосы с репетиций и прогонов. Когда такие мелочи с тобой всю жизнь, ты на них просто не обращаешь внимания. А вот сейчас холодно и нет сети. И всё – гуманитарная катастрофа.

Хотя на самом деле уже нет. От экрана становится теплее и ярче.

Ключ для плиты зарядился. Можно пойти в дальнюю ком-

нату – ту, что с видом на деревянные скульптуры, включить маленькую плиту. Это как поднести плашку к домофону. Чайник тяжёлый, пузатый, греется медленно. Может, меня мама Толли уже дома ждёт. А я даже позвонить не могу. Здесь вообще нет никаких телефонов.

– Пойдёшь со мной завтра за Залив? Есть одно дело. – Тай приподнимает крышку чайника, проверяет, когда закипит.

– Пойду, конечно. А что за дело?

Тай вынимает из-под ворота платья ключик. Им ничего не открыть. Это знак, такой же опознавательный, как зелёная капелька на моём платье. Тай из клана Ключа. Я из Ордена Милосердия. Мы должны быть соперницами, но мы дружим. У меня в кармане всегда лежит такой же маленький ключик – подарок Тай. Я его стискиваю, когда нервничаю. Переключаю из платья в платье.

– Пойду! – Я вынимаю свой ключик и сразу прячу его в кулаке. Этому меня тоже Тай научила.

Она улыбается и говорит почти шёпотом:

– Ты моя сестра-овечка,
Мы с тобой друзья навечно.

– Что это?

– Это мы так в доме милосердия дружили. Если помирился, надо вот это сказать.

– А если с мальчиком мириться? Он же не сестра. А кто?

Брат-барашек?

– Не скажу! – Тай улыбается.

– А если я тебя пощекочу?

– Всё равно не скажу.

Тай смеётся. Смех у неё тёплый, как глоток чая. Чайник, наконец, закипел! Можно пить разноцветную горячую бурду и говорить глупости.

Тепло так. Здорово. И тут вдруг – стук.

Кто-то дёргает ручку двери со стороны сада. Дверь белая, двустворчатая, наполовину стеклянная, такая красивая, с деревянным кружевом. Летом через неё можно пройти всё книгоубежище насквозь до самого входа с табличкой. А сейчас белую дверь закрыли на зиму. И из неё довольно сильно дует.

Обычно со стороны сада никто не приходит. Некому. Если только деревянный мальчик с котёнком и деревянные дед с бабкой и зайцем решили заскочить к нам погреться? Я хочу про это сказать, но Тай прижимает палец к губам.

Стук повторяется. Кажется, это не просто удары, там стучат по какой-то схеме. «Тук-тук-тук, я твой друг». Ну вроде того.

Тай осторожно ставит кружку на стол, подходит к двери. Протирает запотевшее стекло, смотрит в мокрую темноту. Приоткрывает форточку, говорит негромко и непонятно. Одно слово повторяется три или четыре раза как минимум. Что-то вроде «Магеллан», но другое. Это на здешнем языке,

я его не всегда хорошо понимаю, особенно если слово незнакомое. Но Тай ответили тем же словом и ушли. Голос вроде бы был мужской.

Тай возвращается за стол. Молчит.

– Это кто приходил?

– Потом скажу.

– Ты с кем-то встречаешься?

– Ну-у-у-у... Потом скажу. Так что, пойдёшь со мной завтра?

– Конечно! – обещаю я. – Конечно и навечно!

Мне кажется, что сейчас будет дежа-вю. Что Тай скажет: «Приходи, если ничего не произойдёт». А потом встанет из-за стола и сделает что-то очень странное.

Но Тай молчит. Смотрит в белую кружку с цветным невкусным чаем.

Снова стучат.

Теперь во внешнюю дверь, со стороны улицы. Прямо в табличку «Закрето до утра».

Вообще Тай не должна ночевать на работе. Но кроме неё в книгоубежище сейчас никто не работает, она сама себе хозяйка. Никто не будет ругаться.

Мы замираем. Хотя с улицы наверняка видели свет от экрана.

Сейчас попросят, чтобы пустили погреться. Тай скажет, чтобы утром приходили. Здесь такое бывает. Не у всех есть тепло и горячая вода. Но мне всё равно неловко.

– Дым! Дым здесь?

Незнакомый голос. Детский, писклявый. Не знаю, мальчик это или девочка. Это какой-то сумасшедший дом или проходной двор. Один ушёл, другой пришёл. Мотаются туда-сюда, потому что нет другой возможности оставить сообщение. Каменный век!

Я подхожу к двери. Тай меня отталкивает. Говорит строго:

– Кто её спрашивает?

– Мать Анатолия прислала! Дым надо домой!

Тай приоткрывает дверь на цепочку.

Там стоит мальчик лет шести, в кепке и в форменном пальто дома милосердия. На пальто значок-капелька. Из-под кепки торчат кудряшки и оттопыренные уши. Вроде я видела этого мальчика, когда приходила в дом с мамой Толли, чтобы помогать всем скорбным духом и разумом. По-нашему, обычным старым маразматикам, тихим психам и депрессушникам.

– В чём дело? – спрашивает Тай.

– Мама То... мать Анатолия говорит, чтобы Дым срочно шла домой.

Я оборачиваюсь на Тай.

Она кивает и шепчет мне на ухо:

– Завтра приходи, когда сможешь. Я здесь снова ночевать буду.

Я выхожу на крыльцо книгоубежища. Тай сразу захлопывает дверь, бережёт тепло.

Ну и холодина снаружи!

– Пошли скорее! – мальчик прыгает по ступенькам. Я за ним.

От холода мысли тоже будто мёрзнут. Остаются всего три: зачем я нужна маме Толли? Как дела у меня дома? Может, мама с папой мне не просто так снятся? И ещё про Тай. Она сказала, что заночует в книгоубежище. Но у неё с собой нет ни подушки, ни одеяла. И кто к ней придёт? Кто стучал со стороны сада? А потом и эти мысли вымерзают.

Холодно. Ветер с залива. Темно. Фонарей нет, только экраны в домах. Синеватые, розоватые, жёлтые. У них там тепло. А здесь от этого холоднее.

Мальчик убежал далеко – до поворота. Кричит оттуда на всю тёмную улицу:

– Ну давай скорее! Там такое! Тебя все ждут!

Я всегда думала, что жить у моря – это здорово. Красиво. Но сейчас осень. Шторм. Влажный ветер сбивает капюшон пальто, дёргает за длинный подол платья. И темно на улице. Вообще непонятно, куда идти. А мальчик скачет во все стороны, торопит.

– Ну давай скорее!

– И куда я пойду?

– Дым, тебя все ждут! Ларий спрашивал!

Дым – это я. Так меня зовут в этой реальности. У этого имени есть два значения, одно мне нравится, другое – нет.

Ларий – это глава ордена милосердия. Живёт у нас в погребке. У нас – то есть в доме мамы Толли. Она мне не мама, это здесь такое обращение ко взрослой женщине. Я тоже живу в доме мамы Толли, она обо мне заботится. И раньше я даже хотела, чтобы она была мне вместо настоящей мамы. А потом я застряла здесь и...

– Ой! Чёрт!

– Ты чего? Ты свалилась? Не видишь, что ли?

Мальчишка скачет теперь вокруг меня. А я стою на коленях в ледяной луже. И волосы от ветра во все стороны мотаются.

– Не вижу! Руку дай!

Он дёргает меня, помогает.

– Ну аккуратнее надо, Дым! Ты же взрослая!

Он говорит очень воспитательным тоном. Наверное, в доме милосердия сёстры и общие мамы так разговаривают с детьми.

– Будешь тут аккуратнее! Сплошные камни!

– А что ты хотела?

– Асфальт!

– Кого? Это у вас там?

Мальчик знает, что я... нездешняя. Тут многие знают. Меня это иногда бесит.

– Ты нам его показывала? А сегодня покажешь?

– Да ну?

– Покажешь обязательно!

– Это почему ещё?

– Тебе Ларий велит и ты покажешь! Ясно? Ну пошли! Там уже все тебя ждут!

– Ой, ёлки!

Пока я сидела у Тай, забыла намертво, что вечером опять будет молитвенное собрание Ордена. И что мне надо будет выводить свои эмоции на экран. Показывать свои самые яркие воспоминания! Это даёт энергию.

Здесь так всё устроено. Энергия идёт от экрана. В каждом доме есть свои экраны, маленькие. А есть ещё большой, на весь город Захолустье. Он ярче всего греет. Светит. Лечит. И когда он горит, всё спокойно и хорошо. Люди улыбаются, согреваются, выздоравливают и вообще полный восторг. А когда на экране очень яркое впечатление, тогда наступает счастье. Для всех. И пока горит экран, всё будет хорошо.

Яркие воспоминания – это ценный товар. Когда я сюда первый раз попала, у меня были именно такие – сильные, страшные. Я попала в аварию, а потом из-за этого – сюда. Захолустью был нужен мой страх. Я познакомилась тут с Юрой, потом с мамой Толли и Ларием. Потом отдельно с Тай, она не из нашего ордена, она вообще из клана Ключа. Но она моя подруга! И завтра она мне покажет что-то очень важное!

А сейчас я должна зажечь экран!

– Ну ты чего так медленно! А что такое асфальт?

Мальчик дёргает меня за рукав пальто. А дома Мелочь хватал меня за подол или за штанину, когда надо было с ним

гулять. Я по Мелочи так скучаю! Прямо вообще. Моя родная собака. Метис пекинеса и кинг-чарльз спаниеля. Он рыжий, маленький и он очень смешно и звонко лает. «Будто мелочь просыпали», – так говорит моя мама. Та моя мама, которая там. Мелочь смешная любимая. И мама!

– Ох!

Я, наверное, очень громко вздыхаю. Мальчик сразу говорит:

– А вот я не плачу, когда ушибусь! Вообще никогда!

– Ну и молодец!

– А мы пришли уже! А что такое асфальт? Ты не сказала!

Я вспоминаю асфальт – у подъезда, обычный. На нём осколки бутылки, обломки игрушечного самолёта и... и сидит парень, почти моего возраста. Его зовут Дима, он с особенностями. Я его спасла, у нас... там у меня была сверхспособность, я могла предвидеть будущее. Иногда ерунду. А иногда серьёзное. Как с тем особенным Димой. Или как в школе, когда я поняла, что скоро будет какая-то ужасная катастрофа, вроде бы эпидемия. Я тогда попробовала всё изменить, всех спасти. Собрала всю свою энергию и зажгла экран в школьном актовом зале. Зарядила всех, кто там был, здоровьем, подняла иммунитет. Излучение Экрана делает именно это. Не знаю, получилось или нет. Но меня из-за этого забросило в Захолустье и никак не принимает обратно. И я не знаю, увижу ли я когда-нибудь маму, и собаку, и папу, и наш дом. И асфальт.

– Это такое дорожное покрытие. Оно ровное, гладкое. Как скатерть!

Мальчик ничего не отвечает. Он уже подбежал к дому мамы Толли. Скачет по белым ступенькам крыльца. Раньше на крыльце сидела белая гипсовая жаба. Но однажды мы с Юрой поссорились, и я её разбила!

Теперь вместо жабы маленький флюгер в виде ящерицы. Его сложнее разбить. Он сильно мотается, почти подпрыгивает от ветра.

– Вот! Мы пришли! Я её привёл!

Мальчик барабанит в дверь.

Нам почти сразу открывает мама Толли. В свете лампы видно её волосы: абсолютно белые кудряшки. Это не седина и не краска, это природный цвет. Мама Толли – альбинос.

– Какие молодцы! Спасибо, Август.

– Я молодец! – серьёзно повторяет Август.

– Не хвастайся. Иди возьми яблоко.

Он убегает, я медленно поднимаюсь по ступенькам. Ой, как же тепло внутри!

– Дым! – мама Толли сердито смотрит на меня. – Ну что это такое? Все собрались, тебя ждут. А ты пропала! Ну как так можно! Да ещё платье! И на чулке прореха! Ох, ужас! Иди переодевайся! Срочно!

Я стою.

Мама Толли обнимает меня.

– Ну что ж ты так, капелька моя! Ну я же переживаю! Я

же не знаю, где ты, с кем!

– Да всё нормально!

Всё-таки в этой жизни мне больше всего не хватает мобильного телефона!

Глава II

Я переоделась наверху, в своей комнате. Ещё одно длинное платье, с оборкой почти до щиколоток, с длинными рукавами, тяжёлое – почти как пальто. В этом мире брюки бывают только у мужчин. А у женщин куча всякого неудобного, оно путается, рвётся. И мама Толли снова торопит, кричит сквозь дверь.

– Капелька! Давай быстрее!

Я не очень знаю, почему она называет меня капелькой.

Может, это из-за знака Ордена Милосердия, зелёной перевёрнутой капельки. А может это просто ласково, как у нас... как там «солнышко», «зайка». Иногда я очень хорошо понимаю местный язык, а иногда... не хватает субтитров.

– Капелька! Ну что ж такое сегодня!

– У меня тут... вот же дрянь! Помоги завязать!

– Этот не дрянь! Это чулочный пояс. Дым, следи за языком!

Мама Толли серьёзнее обычного. Это из-за опоздания? Из-за продранных чулок? Ненавижу, когда она так смотрит. Но она ничего не говорит, помогает с этим проклятым поясом. Застёгивает пуговицы на спинке платья. Обнимает меня, как-то слишком крепко, как будто я сейчас не в гостиную пойду, а куда-нибудь на тот свет. На этот, туда, домой...

Как же платье колется! Жуть! До слёз.

В гостиной жарко. Даже душно, до головной боли и рези в глазах. Как в летнем автобусе. Я спускаюсь вниз вместе с мамой Толли. Она ведёт меня за руку мимо стульев, расставленных рядами. Почти все заняты, кроме двух возле самого экрана.

Мы усаживаемся, и только сейчас я понимаю: в гостиной тишина. Очень напряжённая. Не как перед праздником или песнопениями. А как... как будто кто-то болеет и ему нужен покой.

Я знаю такую тишину. У нас... Там я долго болела, после

той аварии. И мне тоже бывало плохо от шума. А здесь, в Захолустье, в нашем доме тоже есть больной человек. Юра. Он сидит по левую руку от меня. Не на обычном стуле, а в глубоком кресле. У Юры уже несколько месяцев такое состояние... ну, не совсем понятное, он то всё время сонный, то очень оживлённый... в общем, как будто он особенный – как Дима. Так жалко!

Раньше, когда я сюда только иногда приходила, Юра меня везде сопровождал, и помогал, и советовал. Мне казалось, что он обо мне так заботится, потому что... В общем, я не знала, что это Юрина должность в Ордене, сопровождать и помогать тем, кто приносит эмоции из другого мира... Но даже без этого всего, Юра всё равно был невероятный. Умный, сильный... А потом у него случился срыв и Юра потерял... как бы это сказать, я только по-русски помню, а здесь это иначе звучит... а! Юра потерял управление самим собой!

Сейчас Юра будто спит. Но вот я села рядом, и он сразу схватил меня за руку. Сильно.

– Тихо! Отпусти её, малыш. У Дым будет болеть рука, это плохо, – ласково говорит мама Толли.

– Вот я никогда не делаю другим больно! – подсказывает мальчик. Ну этот, Август. Он тоже сидит в первом ряду, можно другую сторону от мамы Толли.

– Не надо хвастаться, это нескромно! – Шёпотом говорит мама Толли.

И помогает Юре разжать мою ладонь.

Он мотает головой, шипит. Мне кажется, что на нас все смотрят. Ну, я вообще люблю, когда смотрят, я у нас... там занималась в театральной студии, я люблю публику... Но тут что-то другое. Неприятное, опасное.

Из кухни, как обычно, выходит старец Ларий. В полной тишине было слышно, как в кухонном полу отворилась крышка его погреба. Ларий всегда появляется оттуда. Это эффектно. Как будто он фокусник или артист. Хотя он вроде священника. Такой важный, неторопливый.

И говорит он всегда медленно. Как и полагается главе Ордена. А я смотрю на него и думаю, что если его переодеть из строгого костюма, например, в футболку и джинсы, как моего папу, или в рубашку и спортивные штаны и ещё в шлёпанцы, как нашего соседа... Ну, тогда старец Ларий не будет выглядеть таким уважительным. Он будет просто бородатым лысым дедом в шлёпанцах. И всё, о чём он говорит, будет неважно, смешно.

– Впереди испытания, и всем нам будет нелегко, но дух наш крепок и станет ещё сильнее после испытаний. А в награду за труды наши будет нам свет и тепло в душах наших и в душах наших близких... В знак доверия я попрошу сестру нашу Дым укрепить здоровье и веру своим светом!

– Капелька! Иди!

Мама Толли толкает меня кончиками пальцев в плечо. Я пробую встать. Цепляюсь платьем... Что же оно длинное-то такое! Юра из своего кресла следит, как я тут дёргаюсь, и не

шевелится. Не понимает, что со мной не так.

– Иди сюда, Дым! – повторяет Ларий ещё строже.

Мама Толли и маленький Август дёргают меня за подол. Распутывают! Это! Чёртово! Платье!

– Покажи нам свой свет...

Надо смотреть на экран и вспоминать хорошее. Это привычно и скучно. Я зеваю, глаза слезятся. И я не знаю, что показать. Не хочу вспоминать своё прошлое. Совсем!

Вот, держите картинку: мы с Тай сидим в дальней комнате книгоубежища. Хохочем. Обнимаемся.

Тай держит меня за руку и говорит:

– Ты моя сестра-овечка

Мы с тобой друзья навечно.

Я ей рассказала, что у нас... там «овца» это ругательство. И Тай теперь меня дразнит детским стишком.

Это хорошее воспоминание. Свежее. Сегодняшнее.

Но старец Ларий мотает головой.

И в зале мама Толли тоже хмурится. Ларий наклоняется ко мне, командует:

– Другое! Про метро!

Это старое. Про то, как я слышала в метро музыканта с саксофоном. Он играл мелодию из того самого моего любимого мюзикла. И это было волшебное.

Ладно, пусть будет саксофон.

Тёплая картинка. Красивенькая.

И я почти ничего не чувствую, пока её передаю. А люди улыбаются, плачут, расправляют плечи, вздыхают. Просто красивенькая картинка для гостей, я её прокрутила и теперь стою зеваю. Хочу сесть на место, но Ларий останавливает. Обращается ко мне «сестра», как к взрослой несемейной женщине.

– Спасибо, сестра Дым. Вместе с этой благодарностью я хочу передать тебе право наследия ордена. Служи своей новой родине верно и честно.

Я зеваю, мотаю головой.

Чулочный пояс опять сполз, режет!

– Ага, спасибо.

В зале шорохи. Движения. Ничего не понимаю. Что он там сказал?

– Приветствуйте сестру Дым, наследницу ордена милосердия!

И он мне кланяется.

Я стою и улыбаюсь как дуручка. Это как на уроке, когда думаешь о своём и тут вдруг: «Вика, о чём мечтаешь? Что я сейчас говорила?». Там я тоже всегда улыбалась как дуручка. Но там было привычно. А как сейчас себя вести, я вообще без понятия.

И все смотрят, встают, аплодируют, потом садятся и снова на меня смотрят. Ну ладно, значит надо импровизировать,

как на любом школьном спектакле, когда что-нибудь обязательно идёт по косой.

Я тоже кланяюсь. Сперва Ларию, потом залу... мама Толли не улыбается, смотрит напряжённо. Юра пристально разглядывает меня. Он уже не выглядит таким сонным! Маленький Август ковыряет в носу. Так смешно! Всё серьёзные, а этот...

И я улыбаюсь. И всё – будто какие-то завязочки оборвались, типа этой дряни на чулочном поясе! Мне так свободно. Словно я вспомнила роль.

– Добрый вечер, собратья по Ордену! Благодарю за оказанную честь. Это очень важно для меня и для вас...

И дальше я уже знаю, что говорить. Потому что, если честно, когда я думала, что вырасту и стану актрисой, я репетировала награждение. Ну, не «Оскара», но что-то такое, важное и прекрасное. Как мне что-нибудь вручают, и я стою со статуэткой и говорю такие тупые... такие прекрасные слова. Яркие и бессмысленные, как золотая обёрточная бумага.

Я и сейчас так говорю.

– Обещаю себе и вам, что буду и впредь служить делу нашего Ордена.

А потом я разворачиваюсь к экрану. И вывожу момент своей аварии. Показываю, как папу вытаскивают из-за руля и бьют о багажник. Как я сижу на бордюре и смотрю на нашу машину. А там дым. И как мне страшно, тоже показываю!

Экран гудит от напряжения, рядом с ним почти жарко, у

меня волосы встают дыбом, дышать сложно... хочется обернуться на зал, посмотреть, как они реагируют, заряжаются моими эмоциями. Но я смотрю на экран. На своё изображение.

Ларий подходит в плотную, становится у меня за спиной, шепчет.

– Покажи свой уход!

Я разворачиваюсь. Зал ждёт. Они смотрят на меня так, будто я их надежда.

И я показываю свой последний день в своём реальном мире.

Как у меня было видение про эпидемию. Как я пришла в школу на наш спектакль к Восьмому марта, перед самым началом вышла на сцену и тоже посмотрела в зал. Собрала всю энергию, все свои способности. Чтобы те, кто был в зале, оказались под защитой моей силы. Чтобы их не коснулась болезнь, которую я предвидела. Там в зале не было моих родителей, но там сидели другие люди. Бывшие одноклассники, учителя... но я не выбирала, кого мне спасать. Просто была с ними. Отдала им все эмоции. И страх, и любовь, и вообще всё, что у меня было. Перегорела эмоционально. И потом меня перекинуло сюда. И обратно не пускает.

Я это всё показываю на экране: без слов, но, наверное, всё равно было понятно.

Ларий обнимает меня за плечи и протягивает платок, белый в синюю клетку. Пока я всё это показывала, я плакала.

ла и не замечала. А сейчас даже платок взять не могу: руки трясутся от усталости. Иногда сдача энергии забирает много сил, они не сразу возвращаются. Ларий сам вытирает мне слёзы и говорит:

– Заканчивай!

И я отворачиваюсь от экрана. Там медленно тает моё последнее воспоминание: люди в школьном зале.

Теперь я смотрю на этот зал. Здесь негромко переговариваются и тихо плачут. Прямо как на поминальных службах в сериалах. Маленький Август что-то спрашивает у мамы Толли, он, наверное, не понял, что происходит. Мама Толли отвечает и тоже утирает слёзы – таким же белым платком в синюю клетку. А Юра... Юра смотрит на экран изо всех сил. Потом поднимается с места, подходит ближе. Мама Толли протягивает руку, но не успевает его остановить. Юра стоит перед самым экраном, загораживая остальным изображение.

По кивку Лария из первого ряда поднимаются двое мужчин в синих костюмах. Встают возле Юры, но не оттаскивают его. Юра ведь наш, из Ордена милосердия. И сейчас он безвреден. Просто он из семьи эмоционально зависимых людей, его очень неправильно воспитывали. И несколько месяцев назад он пережил сильный приступ – передозировку эмоций. Сейчас ему трудно.

Но Юра не кричит, не размахивает руками. Просто смотрит.

Ларий разворачивает меня к залу, заслоняет. Говорит

негромко и торжественно:

– Вы увидели то, что пережила и прочувствовала Дым. Я надеюсь, ни у кого нет вопросов о том, почему именно она будет наследовать Орден!

Мама Толли почему-то качает головой. Август снова ковыряет в носу, мама Толли легонько шлёпает его по пальцам.

Юра возвращается на место, вытирает пот со лба рукавом светлой рубашки. Пока он идёт, я замечаю, что на спине его рубашка тоже вся мокрая.

– Давайте возрадуемся!

Все встают, чтобы петь гимн. Я тоже хочу вернуться к своему стулу.

Но Ларий придерживает меня за руку.

– Оставайся со мной, Дым. Учись! Тебе предстоит занять моё место!

До меня только тогда доходит, что я реально буду потом главой Ордена. Самой главной. Самой ответственной.

Я пою вместе со всеми, для меня это очень важно. Вот сейчас всё всерьёз. Так трогательно.

И я шёпотом спрашиваю у Лария.

– А можно, я снова займу ваш платок? А место уже потом! Он улыбнулся. И становится совсем хорошо.

Жалко, что в зале нет Тай. Она бы тоже за меня порадовалась, я знаю. Жаль, что она не из Ордена милосердия.

Я потом обнимаюсь со всеми. С Юрой очень коротко и неловко. Август на мне повисает, и я боюсь, что он меня пе-

ремажет соплями. А мама Толли шепчет:

– После ужина никуда не уходи! У нас с тобой будет важный разговор!

Во время парадного ужина так жарко, что тянет в сон. Меня всё время поздравляют. Но как-то странно:

– Дым, сил тебе и разумных решений!

– Желаю справиться!

Не «поправиться», а именно так. Странно.

И только маленький Август обнимает нормально.

– Дым, ты теперь будешь самой главной? У нас всегда будет тепло?

– Ну, наверное, всегда.

И до меня доходит: если Ларий передаст мне свою должность, куда денется он сам? И почему я? Я же здесь самая новенькая. Ничего толком не знаю. Неужели не нашлось никого другого?

Не я одна задаюсь этим вопросом.

Когда гости расходятся, я слышу обрывок разговора между Ларием и Юрой.

Мы с мамой Толли и Августом убираем со стола, носим на кухню тарелки и блюда, стаканы, приборы, бутылки со сладким питьём. В этом мире нет алкоголя. Ну, или я его ни разу не встречала. Кофе тоже нет. И это хуже.

В общем, мы занимаемся посудой, а Ларий и Юра передвигают мебель, уносят в погреб складные стулья. Там же,

в погребке, у Лария комната... или келья? Не знаю точно. А если я стану главной, мне тоже придётся в погребке жить?

Я хочу спросить об этом и обо всём остальном. Но Ларий разговаривает с Юрой. Крышка погреба приоткрыта, голоса звучат вполне чётко.

– Почему она? Есть же и другие? – резко спрашивает Юра.

И я только сейчас поняла, что он не поздравил меня с назначением... ну, короче с этой новостью. Просто обнял и всё... А за ужином мы сидели на разных концах стола.

– Потому что так будет лучше. Будет тепло и свет. Всем будет спокойно. Дым поспособствует.

Юра говорит что-то неразборчивое.

Ларий отвечает негромко, обстоятельно. Как человек, уверенный в своей правоте:

– Она смогла и ещё раз сможет.

– А как же я? Вы же обещали?

– А ты обещал себя сдерживать.

Юра молчит. Может быть, что-то шепчет, но я не могу разобрать.

Стою посреди кухни. В меня врезается Август с глубокой миской в руках. Там мокрое и липкое. Желе!

– Ой!

– Дым! Прости!

– Ну ты куда смотришь вообще?

– А ты чего тут стоишь? Мама Толли сказала, чтобы ты к ней подошла.

В гостиной мама Толли приподнимает за углы белую вышитую скатерть. На ней новым узором крошки, пятна. На столе, раздвинутом большим треугольником, следы больших стаканов, тёмные кружочки на полировке.

– Август, принеси тряпку! – ласково просит мама Толли.

Август опять убегает на кухню. Оказывается, он знает, где у нас тряпка и вообще легко ориентируется в доме.

– Ему не пора в дом милосердия? – как-то слишком сердито спрашиваю я.

– Август теперь будет жить у нас, – спокойно говорит мне мама Толли. – Вы выросли, мне нужен малыш, а малышу мама.

– А. Понятно.

Я не знаю, что сказать.

– А где... где он будет? В моей комнате?

– Ну что ты! Ты наследница Ордена, – мама Толли качает головой.

Возвращается Август с тряпкой.

– Всё здесь протри!

Мама Толли подхватывает стянутую в узел скатерть.

– Пойдём, капелька, поможешь мне её вытряхнуть!

На крыльце снова ветер! Огни в домах мигают из-за него, тени скачут. Ящерка на флюгере мотается так, будто хочет поймать себя за хвост.

Мама Толли хватает скатерть за углы, ветер подкидывает белую ткань вверх, потом опускает, потом опять... Я стою

без дела.

И без пальто.

– Мне не нравится выбор Лария, но тут ничего не поделаешь, – говорит мама Толли, наклоняясь к моему уху.

– А почему он...

– Не знаю, Дым. Сама у него потом спросишь. И послушай, пожалуйста... Будь теперь аккуратна и осторожна, думай над своими поступками и словами!

– Да, да. Конечно. Обязательно.

– Приглядывайся. Смотри, как реагируют другие, и уже потом реагируй сама. Поняла меня?

Это совсем как в театралке. Нам то же самое говорила Оксана Александровна. Наша КсанСанна. Надо наблюдать за чужими реакциями, чтобы потом было легче их отыграть. А тут это зачем?

– Наблюдать, чтобы что?

– Мама Толли! Ты где? – Август высовывается из двери.

– Капелька, иди домой, тут холодно.

– Вам тоже холодно!

– Мы с Дым взрослые! – строго говорит мама Толли.

И мне это очень нравится. Хотя сейчас не до мелких удовольствий.

– Почему я должна следить? За кем?

– Ну... сама разберёшься, ты же умная!

Я не умная. Я другая, нездешняя. И я никак не могу понять очень многое. То, как этот мир устроен. Но я и у себя

там тоже многого не понимала.

Я брожу по комнатам, собираю чашки и салфетки. Замечаю, что в комнате мамы Толли рядом с её постелью, на диванчике, на котором она обычно сидит с вышивкой или вязанием, теперь стопкой сложено постельное бельё. Детское, с узором из каких-то котят. А ещё подушка и одеяло, тоже маленькие. Это для Августа. Он теперь будет спать в нашем доме, в комнате мамы Толли.

Я сразу вспоминаю про Тай. Она вроде хотела спать в книгоубежище. Но подушки и одеяло не запасла. Может, ей надо принести? Жалко, что нельзя ей позвонить, написать. Из дома меня сейчас точно не выпустят!

– Всё, Дым... Вода нагрелась, иди в ванную комнату. Завтра у нас много важных дел!

– На весь день?

– До самой ночи!

Надо придумать что-то. Меня ведь завтра ждёт Тай.

Глава III

В эту ночь мне снова приснились родители. Наша квартира, всё как раньше, Мелочь бежит из коридора в кухню и обратно. Мешает маме и папе собираться... В реальной жизни они никогда не уходят на работу вместе. Никогда так не разговаривают, приглушёнными голосами, никогда так не одеваются. На маме чёрное пальто с рисунком в ёлочку, я такое видела в комнате Тай, тяжёлое и неудобное. На папе тоже пальто, чёрное, с каким-то странным меховым воротником

и шляпа, как у шпиона... я видела похожие на мужчинах в Захолустье, но не там у нас. Оно слишком стариновское!

– Готова? – спрашивает папа. – Ну пошли!

Мама мотает головой, ей на плечи спадает тёмный платок.

– Полы грязные, – тихо говорит мама. – Надо помыть, а то неловко. Вика придёт, а у нас дома полы грязные.

Папа молчит. Мама всхлипывает и дёргает плечами, платок падает на пол. Мелочь подскакивает, нюхает, трясёт ушами.

Мама трясёт головой, почти в такт, папа её обнимает.

– Ну потом помоешь. Потом. Вернёмся и помоешь.

Папа тянет платок с пола, Мелочь не отдаёт.

Смешно.

Я смеюсь, там, во сне. И мама оборачивается. Смотрит на меня.

– Я тут, мама. Я пришла.

Я говорю, а слова...

Как будто не в воздух говорю, а в одеяло. Глухо и неразборчиво.

– Мама! Мам, я тут! Папа!

Они оба оборачиваются.

– Показалось, – говорит мама.

– Что?

– Мне показалось, Вика здесь. Зовёт меня.

Папа пожимает плечами и тут у него звонит мобильный телефон. Я уже забыла, что они существуют.

– Да, алло.

Даже не так.

– Да-а. А-ал-ло-о.

Глухие медленные звуки.

– Э-это-о Ви-ика-а? – тянет мама.

Мелочь смотрит на меня и приподнимается в прыжке.

Медленно, очень медленно.

Сейчас я...

– Э-это-о-о не-е-е Ви-и-ика-а-а. Ты-ы же-е знаешь, – говорит папа.

А дальше я не могу разобрать. Всё останавливается. Мир встал на паузу и завис.

– Дым! Вставай, капелька моя! Пора!

Меня трясут за плечо. В комнате почти темно. На столе светится синеватым мобильный телефон. Нет, это не он. Это лампа такая, маленькая, бледная. Её заряжают от домашнего экрана.

Слышно, как снаружи гудит сильный ветер.

– Вставай, девочка моя! У тебя сегодня большой день! – говорит мне знакомый женский голос. Слова не вязнут в воздухе, звучат нормально.

– Сколько времени?

– Уже светает! Давай, Дым! Времени мало, Ларий ждёт!

– Хорошо. Я сейчас.

Я сбрасываю одеяло. Тыкаюсь ногами в тапки, они холод-

ные как... как в море. И чего я думаю про морг? Здесь, наверное, и нет такого понятия. Какой-нибудь анатомический театр... Скорбный сарай.

– Ну всё, там уже вода нагрелась! Давай, моя девочка!

– Хорошо.

Я кутаюсь в халат, иду по коридору.

В ванной комнате теплее. А душ вообще... м-м-м-м. Счастье! Жаль, что вода льётся не очень сильно. Тут с этим проблемы. Ну ничего. Главное, что тепло... ещё бы в дверь никто не барабанил, вообще была бы красота!

– Выходи! А то опоздаешь!

Это детский голос. Это... я не сразу вспоминаю. Это Август. А женщина, которая пришла меня будить, это мама Толли.

Как всё перевернулось. Раньше я видела во сне Захолустье, а теперь вижу во сне мою настоящую жизнь. Интересно, а предвидение здесь тоже появится? И мне здесь тоже придётся спасать людей от катастрофы?

У кого бы спросить? Может, Ларий знает?

– Давай торопись! Ларий ждать не будет!

В дверь снова барабанит Август. Внизу с кухни пахнет травяным чаем и кукурузной кашей. Ох, как же хочется кофе! Я бы за него продала не всю свою душу, но пару ценных воспоминаний – запросто.

– Давай, капелька! У вас сегодня много дел!

Снаружи холод и сверхзадачи. А можно мне сперва зав-

трак?

Первое испытание ждёт меня в комнате мамы Толли. Ещё одно доказательство взрослой жизни. Платье в пол. Чёрное, закрытое, с длинными рукавами. Шерстяное!!!

– Это обязательно? – я оглядываюсь на маму Толли.

– Конечно, – она прищуривается, склоняет голову, смотрит, как я пялюсь на платье.

– А нормальное нельзя? То зелёное, в апельсинках! Как раньше... – и я мысленно добавляю «когда я здесь была не навсегда».

Наверное, мама Толли читает мои мысли. Она хмурится, отвечает со вздохом.

– В твоём статусе другое нельзя. Важному человеку надо носить важные вещи!

И до меня снова доходит – я наследница Ордена. Сразу внутри что-то сжимается от счастья и тревоги. Я ведь совсем не знаю, что теперь делать и как себя вести. Такая принцесса-самозванка. Ну ладно, буду импровизировать, как в театралке. Сразу становится норм. Даже колючее платье... Это просто такой сценический костюм, ничего страшного.

Тем более, что пока ничего нового не происходит.

Мы завтракаем на кухне: я, мама Толли, Август. Когда я доедаю кукурузную кашу, из своей комнаты спускается Юра. Он пошатывается, лицо у него бледное. Юра садится за стол и медленно отпивает свой травяной чай. В доме мамы Тол-

ли чай это не просто крашеная водичка, он действительно с травами и цветочками, с мёдом, вкусный. Но Юра всё равно морщится, отодвигает чашку.

Мне кажется, у него дрожат руки. Совсем как у моего папы наутро после новогоднего корпоратива. И в некоторых других ситуациях. Кстати, во снах про мою реальность, том, который я сегодня видела, и раньше тоже, у папы руки дрожали, да. Неприятно смотреть.

Но в остальном Юра до сих пор вполне красивый. Особенно, когда молчит и смотрит прямо на меня.

– Ещё раз поздравляю, Дым. Победил сильнейший!

Я пожимаю плечами. Я не виновата, что меня выбрали. Я до сих пор не понимаю, чем мне там надо заниматься. Август тянется ко мне через весь стол.

– Ты кашу не будешь? Я доем?

– Капелька, не надо доедать. Я положу тебе ещё.

Мама Толли мягко останавливает его руку. Но тарелка дёргается, каша брызгает на треугольный стол. На вышитую скатерть, на мою щеку. Горячо!

Август сползает под стол, путается в кистях скатерти, чашка летит на пол... Почти летит. Юра ловит её в полёте. Опускает на стол. Оглядывается на меня. Ничего себе реакция у человека! Это он сейчас болеет и типа невменько. А в нормальном состоянии Юра... ох! Я отворачиваюсь и улыбаюсь, потом закрываю рот ладонью.

На полу ревёт Август.

«Осторожнее!»

«Тебя жалко, не её»

Слова летят в голове куда быстрее, чем чашка на пол.

– Осторожнее! – хрипло вскрикивает Юра.

А мама Толли присаживается на корточки, обнимает Августа и почти одновременно с Юрой говорит своё – ласковое, утешительное:

– Да ну её, чашку эту. Тебя жалко, не её. Садись, моя капелька, сейчас добавки положу.

Капелька – это теперь не я. Не только я.

Я смотрю, как Август протягивает свою пустую тарелку, как сам весь тянется за ней... как собака! Так Мелочь у нас на кухне тянется к половнику, когда мы раскладываем еду по тарелкам. Какое-то странное сравнение, неловко перед Августом! Он же мальчик, человек! Он не виноват, что такой голодный! Может, если бы я попала не в дом мамы Толли, а на ту сторону Залива, в бедный район, то меня бы, например, тоже определили в дом милосердия и я бы там жила безо всякой домашней каши!

Мама Толли ставит перед Августом тарелку. Каша очень горячая, от неё идёт пар, у Августа по щеке сразу тянется капля... Надеюсь, что от пара.

Я смотрю на Августа в упор. Он оборачивается, оттирает лицо рукавом. Смотрит мрачно. Я отворачиваюсь. Неловко до невозможности.

А потом доходит. Дежа-вю. Я опять его поймала.

Значит, скоро... значит я снова начну перемещаться из одной реальности в другую! Только теперь обратно, назад, домой! Говорят, путь назад всегда получается быстрее!

– Готова?

Из своего погребца поднимается старец Ларий. Он уже в пальто и шляпе, белая борода расчёсана и теперь пушится во все стороны. Очень хочется подойти и её пожать. Мне не хватает таких прикосновений. Чтобы что-нибудь пушистое рядом. Ведь Мелочи тут нет...

– А можно потрогать?

Август успевает первым. Вылезает из-за стола и, дожёвывая на бегу, тянет руку к белой бороде. Ларий улыбается. Он сейчас не глава ордена, а просто добрый старикан. Нагибается, чтобы Августу было удобнее. Мама Толли подходит, хочет отогнать Августа, ворчит, что Ларию надо бы поесть, а то там так холодно на улице, зачинеет на пустой желудок. Ларий отвечает невнятное. Протягивает руку, перехватывает у мамы Толли кружку с тёплым питьём.

Выпрямляется, треплет Августа по кудряшкам, оглядывает кухню. Я почему-то опускаю голову.

– Йулл!

Таким тоном можно подзывать собаку. Но Юра выбирается из-за стола, ставит ножку кресла на подол моего платья. Нарочно? Дурак какой-то! Как из первого класса, реально! Можно подумать, я сама просилась в наследницы? Оно мне надо вообще?

– Дым!

Тоже встаю и подхожу.

– Я хочу, чтобы между вами не было ничего неясного. Только уважение и доверие. Все обиды остались во вчерашнем дне. Поняли меня?

– Да! – чётко откликается Юра и протягивает мне руку.

Так же быстро, как в тот раз, когда в его руке был мой значок-капелька. Это было так давно! И по местному времени и вообще! Сейчас мы с Юрой совсем другие люди. Я попробую снова отрастить к нему доверие.

А пока просто жму ему руку. Она прохладная. И, честно говоря, мне до сих пор приятно её пожимать!

– Дым, готова? Жди меня на крыльце!

И я иду в прихожую, туда, где ботинки с крючками и шнуровкой. Это не обувь, это экспонат из музея пыток. Не успеваю разобраться со вторым ботинком, а Ларий уже проходит мимо меня на крыльцо. Мне показалось или он успел пошептать о чём-то с мамой Толли?

Ни слова не разобрала.

А вдруг там важное?

Глава IV

Мы молча спускаемся вниз к набережной. Тут ещё холоднее, потому что ветер с залива. За парашютом сильные серые волны. Мутные, будто из асфальта сделанные. Тут не знают про асфальт, надо об этом помнить. А то мало ли, с кем я сегодня буду общаться, может, они не знают, что я нездешняя.

– Куда мы идём?

– К Арке Героя.

Именно так называется то место, через которое я всегда

попадала в Захолустье. Портал. Проход между разными реальностями. Точка отсчёта. А в Ордене Милосердия эту точку теперь называют торжественно – Арка Героя. Типа, я теперь герой. Ну, там реально рядом есть арка. Четырёхэтажный дом с лепниной и балкончиками, по бокам два подъезда, посреди арка. Около неё иногда бывают свечи и цветы, по-моему, это перебор.

– Вот отсюда ты к нам приходила.

Можно подумать, я сама не помню! Место рядом с аркой, до набережной шагов двадцать. Скамейка и кусты. Голые, потрёпанные ветром. У КсанСанны в театралке была шутка про рояль в кустах. Ну вот, я была как тот рояль.

– Жалко, что отсюда нельзя выпихнуться обратно!

Он молчит. И я вспоминаю, что старец Ларий попал в Захолустье через тот же самый портал. Увидел, как тут лежат чувствами. Начал отдавать свои эмоции. Спасал людей. И вот так типа почти случайно основал религию. И решил остаться здесь навсегда. Отдал свою реальную жизнь за благополучие местных людей.

– Вы не жалеете, что остались?

– Я не мог это изменить. Значит, жалеть было не о чем. А ты не жалеешь, что спасла людей? Там, у себя в школе?

– Нет. То есть, жалко, что я туда вернуться не могу, но ведь они там в порядке. Ну, я надеюсь. Если я не буду верить, что они в порядке, я с ума сойду. А то как-то совсем бессмысленно получилось.

– Осмысленно, уверяю тебя! Мы никогда не знаем всех последствий своих поступков. Даже самых простых действий.

– Ну да. Конечно! Если бы мой папа не захотел выпить, он бы потом не уснул за рулём! Я бы не испугалась, и вы бы не забрали меня вместе с моим страхом! Как, кстати, вы забираете? Я до сих пор не понимаю.

Ларий будто не слышит мой вопрос. Говорит о своём:

– Представь, как актёр играет в спектакле. Он знает про сюжет и про героя, а про зрителя не знает ничего. Что зритель там увидит, что в зрителе поменяется – актёру обычно неизвестно. Может, человек поймёт, в чем смысл жизни, а может, уйдёт в антракте водку пить.

Он это так сказал... Будто это и про него тоже. Может, он тоже раньше был актёром, в той жизни. И тут решил сыграть Мессию, как Глеб Гордеев из моей театралки. Ну, Глеб играл в этюде пророка-Спасителя. Мой дорогой Ж, кстати, играл Иуду в мюзикле про Иисуса, сам предавал Спасителя. Интересно, какая здесь роль у меня?

Ларий знает ответ.

– Здесь ты тоже можешь спасти весь город. Всех.

– Но как же я? Всех спасу, а себя спасти не буду? Меня никто не спасает.

Ларий молчит. Чешет белую бороду. Хочется за неё потянуть, вытащить ответ на вопрос о моей жизни.

– А я точно не могу назад?

– Исполнишь свою миссию, тогда попробуем! Если захочешь.

– Я не то чтоб хочу. Или не хочу. Мне надо знать, что это возможно. Что я могу вернуться!

– Конечно, можешь. Просто не сейчас.

– Да я тут рехнусь!

Ларий выдыхает смех вместе с паром изо рта.

– А кто сказал, что богом быть легко?

– Но ведь вы не бог?

– Я пророк. И ты тоже. В тебя верят, Вика.

Он называет меня моим настоящим... нет, моим прошлым именем. Я Вика, да. Виктория Валерьевна. Мне пятнадцать. Или уже шестнадцать? Я не знаю, сколько времени у меня, ну, там. Я хочу обратно. Но богом... пророком тоже хочу быть. Вот такая вот развилка. Пойдёшь налево – голову сложишь, пойдёшь направо, тоже что-нибудь потеряешь, поедешь прямо – впилишься в бампер чужой машины и пробьёшь головой стекло.

– Когда в тебя верят, отказывать нельзя. Это уже не твой выбор, это судьба так сложилась.

Он давит словами, я дёргаюсь, будто так могу все эти слова стряхнуть с себя. Дохлый номер. От такого не уйти.

– А я точно смогу из пророков обратно домой?

Нет ответа.

– А вы когда-нибудь пробовали назад?

Снова тишина и пар изо рта.

Как сфинкс из мифа! Кажется, у сфинкса было три загадки. Или три варианта ответа. А потом по-любому смерть. Ну, два варианта я уже прощёлкала. Что бы такого спросить?

– А как вас звали раньше? Там, у нас.

Он выдыхает с присвистом. А может, присвистывает от удивления.

– Георгий Анатольевич.

– А почему вы Ларий?

– А почему я сюда попал? Так сложилось, Дым.

И он смотрит вверх, на свод арки, там крупные квадратик-ки лепнины. Одни квадратики пустые, другие с цветочками. Чередуют друг друга. Узор как в крестиках-ноликах... нет, как в этих, игра такая, тут её нет, а там есть: слоны, лошади, фигурки... типа солдатики? Ещё там вроде бы герцог и герцогиня... Не вспомню. Но рядом со мной человек, который может знать!

– Шахматный узор! – подсказывает Ларий. – Тут нет шахмат. Но мы можем с тобою их изобрести заново.

– Я подумаю. А это не будет вторжением в чужую культуру?

Ларий усмехается. И я понимаю, что я что-то не то ляпнула. Ну да, мы тут и без того... натоптали, накрошили свой культурный код.

– Ладно, можно и шахматы! Будет лимитированная лекция, спецвыпуск от двух лучших пророков! Только я в них играть не умею!

– Ничего, сымпровизируешь! Тебя же учили в твоей театральной студии?

Откуда он знает про театралку? А, в моих воспоминаниях увидел, точно же. Это как с новостями в соцсетях. Просто пишешь что-нибудь интересное в открытом доступе, особо не заморачиваясь, а потом удивляешься, откуда про это знают все подряд. Ну вот тут тоже. Только в открытом доступе – мои эмоции. Свежие воспоминания пророчицы Дым, смотрите на всех экранах Захолустья!

– Сыграю! Вообще не вопрос! И в шахматы, и пророка!

Я выпрямляюсь, вскидываю голову, выдыхаю холодный воздух. Отыгрываю... ну, я не знаю, как выглядят пророки, а вот документалку про английскую королеву и её семью я смотрела, запомнила, как они ходят и держат спину, все эти монархи. Ну вот это и скопирую, по памяти!

– А как вы меня нашли? Мне Юра сказал, что вы меня сюда пригласили, всем вашим орденом. Это как?

Ларий... Мне теперь хочется называть его Георгий Анатольевич... в общем, он... этот великий старец улыбается. Не как добрый дедушка мороз или там обычный дедуля, который пришёл за внучкой в детский сад. Как-то очень мудро, как монах-настоятель или король со старинной картины. Я в Пушкинском музее видела такого у фламандцев. Ну вот, Ларий улыбается как старинный голландский дворянин: медленно и будто сквозь века.

– Спасибо, что спросила. Это интересный вопрос, про по-

иск, только он очень непростой. Особенно для того, кто пришёл в этот мир оттуда... Ты готова к сложностям?

– Конечно.

У меня ведь уже не было выбора. Думаю, мы оба это знали.

– Тогда пошли.

Ларий медленно шагает сквозь арку.

Я могу его обогнать. Но не хочу торопиться. Вдруг там, за аркой, переход в иные миры. Или какая-нибудь ловушка: сидит в засаде куча разных ненормальных типа Тьмы и того дядьки в клетчатом. Кстати, Тьму ведь уже домой отпустили, мне Тай сказала! И мне надо вечером к Тай. Сбегаю обязательно. Ну, если всё сейчас будет хорошо.

Мы выходим во двор. Тут аккуратно, нарядно, как на набережной. Белые каменные скамеечки-полукружья, клумба, флюгеры. Окна в пёстрых занавесках, балконы с креслами и столиками. Несколько входных дверей – не только на первом этаже, но и на втором, третьем. Там такая галерея, тоже с цветочными горшками, креслами, фонариками. С такой же белой гипсовой жабой, как у нас раньше была... Вот как раз к двери с жабой мы и поднимаемся. Она на самом верху, на четвёртом этаже. Кроме этой двери других вдоль галереи нет. И никаких цветочков и кресел тоже.

Просто дверь, без таблички и без замка. С маленьким зеленоватым колокольчиком, который дребезжал на ветру. Что за ней?

«Ну всё, довольна?»

«Нет... верни...»

Голоса в голове звучат неразборчиво, будто под шум ветра! Дежа-вю, опять! Скоро будет переход в обратную сторону!

А пока мы входим в секретную дверь.

Глава V

Я не знаю, что будет за дверью. Что-нибудь торжественное. Тайна. Скрипы, звон цепей, музыка, в общем, шикарные декорации с фейерверком и прочий полный фарш. Всё-таки портал между мирами. И люди, которые этим управляют, выбирают, кого сюда призвать... ну, как они говорят, «пригласить». Сейчас я увижу того, кто выбрал мои эмоции. Не меня саму, а мой страх. Такое слепое прослушивание.

Я решила, что это будет кто-то старый. Ну, типа Лария.

А тут вообще никого нет.

Пустая квартира. Высокие потолки, широкие чистые окна. И ничего. Ни мебели, ни людей. Одно эхо в стенах. Эхо? Нет. Иначе.

— Ну что, Дым, проходи...

— А я уже...

Я иду по комнатам, заглядываю, открываю двери, ботинками стучу... А звуки другие. Не эхо, не отражение моего голоса. Звуки от стены.

То есть, сама стена — как экран. Белая, прямоугольная. И тёплая. Такое живое тепло. Не как у батареи, а как у собаки или человека. Как будто я не штукатурку глажу, а натянутую кожу, под которой бьётся сердце, напрягаются вены и артерии. Стена подрагивает, бормочет.

— Экран живой?

Экран слышит. Стена становится ярче, будто внутри неё врубили подсветку. Я уточняю.

— То есть, он живой и светится?

Ларий улыбается. Словил цитату. Какое счастье — человек с тем же бэкграундом. А то я так устала шутить в пустоту.

— Да, он живой. Это дубли у нас неживые.

Ларий замолкает, смотрит на меня, словно ждёт чего-то. Может, это тоже цитата, но я её не знаю. Он продолжил:

— Экран всё делает сам. Сам выбирает, кто ему нужен, сам сюда доставляет, сам решает, какие эмоции показывать и когда.

Ух ты!

И я снова глажу стену... ну, почти как Мелочь гладила.
– Хороший какой. Умный, хороший...

Стена начинает мерцать оранжевым, потом лиловым. Разговаривает цветом?

Не только им. От экрана идут звуки, неразборчивые, как разговоры в вагоне метро. Свист и стук, будто правда от вагона. Я даже жмурюсь. Представляю, что я реально в метро, домой еду. После очень долгого путешествия. Не расслабляться! Нельзя!

Я отшатываюсь. Начинаю вслушиваться в голоса.

Мужские, женские, детские, стариковские... на разных языках. Тихо и громко. С разными интонациями. Как будто со мной говорит целый мир. Мой или здешний?

– Знакомьтесь, – предлагает нам всем Ларий.

Я сажусь на пол. Прижимаюсь щекой к гигантскому белому боку. Мне кажется, что он изгибается, реально становится боком огромного зверя. Я глажу его и говорю:

– Экран, привет! Это я к тебе пришла. Ты меня сюда забрал, и я теперь здесь...

Ларий меня не останавливает. Значит, я всё делаю правильно. Ну, импровизация как есть. И я вдруг догадываюсь, о чём можно спросить!

– Меня зовут Вика. Мне пятнадцать. Наверное. Я не знаю, что там у меня происходит. Как дома дела. Как мама, как вообще. Как там я сама! Я скучаю по ним! Можешь мне по-

казать?

Стена вздрагивает. Мне кажется, она сейчас рассыплется, обрушится на меня. Стук и свист становятся сильнее. Потом что-то шипит, как двери вагона. Потом... мама говорит так чётко, будто сидит сейчас рядом со мной:

– Я тебе масло купила, в холодильник убери.

– Хорошо, сейчас, – это папа.

– Не сейчас, а убери!

– Сама не можешь?

– Мне с собакой надо! Я не хочу переобуваться. Вот трудно, что ли? – мама, ещё громче.

Шорох, грохот – папа доходит до кухни, шарахает дверцей холодильника. Господи, я ведь нашу квартиру наизусть помню, по звукам тоже. Будто она вот тут, рядом, за белой стеной.

– Ну всё. Довольна?

– Нет.

– Что ещё нужно? – папа с каждой фразой накаляется.

– Вику верни... – и мама... скулит? Я не понимаю этого звука. Он не мамин. Он знакомый, но не мамин.

Так тётя Ира Щедровицкая, мама особенного Димы, плакала у нас в прихожей. «Верни Ди-моч-ку». А сейчас мама просит вернуть меня.

Кричит оттуда, из-за стены.

А я кричу в ответ:

– Мама! Я здесь! Я сейчас...

Я вскакиваю! И со всей дури бью кулаками по этому тёплому белому выгнутому... боку? Экрану? Существо?

По этой дикой твари, которая меня забрала и не пускает. Какого чёрта? Ну?

– Мама!

– Вика!

– Мама, я здесь, ты меня слышишь? Мама, мамочка...

Мама зовёт меня снова. Уже не так громко. Как сквозь ткань или подушку. Сквозь папу!

Он ей говорит, неразборчиво, ласково. Как мне, когда я была маленькая и боялась гудения пылесоса. Тогда папа тоже обнимал и успокаивал, а я слов из-за шума не могла разобрать. Только интонации. Защиту и тепло.

Сейчас папа защищает маму.

– Мама! Папа! Я тут!

Кричу, а они не слышат. Иначе бы мама так не плакала, не скулила бы как Мелочь, когда ему на лапу наступают. Мелочь! Ну да, конечно!

Я зову его, сперва свистом, потом словами. Хлопаю себя по ноге. Типа сейчас гулять пойдём, давай, сунь голову в ошейник. Я даже сажусь на корточки. Чтобы он лучше слышал.

– Мелочь! Ко мне! Мелочь! А ну иди сюда, дурак ушастый!

Я цокаю, снова свищу... и он лает! Мне кажется, он лает в ответ! Как на посторонних за дверью, как на курьеров у

лифта! Только сейчас – на меня.

– Мелочь, Мелочь!

Я зову, зову... Смотрю на стену. Будто надеюсь, что Мелочь сейчас её прорвёт, попадёт ко мне сюда!

Но нет!

– Ты что, ты что... Ну-ка давай ко мне! – зовёт его мама. – Ты чего дрожишь? Кто напугал?

– Муху увидел... – говорит папа.

Ух-ты, у них там мухи. Значит, там весна или вообще лето.

– Нет, он на мух по-другому. Этот ходит кто-то! Да? Ходит, собаку нашу пугает... – мама говорит ласково и как-то очень несчастно.

И наверняка подхватывает Мелочь с пола, чешет ему шею.

– Кто ходит? Где? У Вики в комнате, что ли? – это папа.

Мама, наверное, охает или меняет выражение лица. И папа говорит:

– Да муха это, муха. Всё. Пошли уже.

И звенит ключами.

– Мам! Пап!

Не слышали. Не догадались. Дверь захлопнулась. Шорох – Мелочь чешется.

Я опять его зову. По имени и свистом. Он лает. Раз, другой. А потом звуки меняются, будто перескакивают на другую волну.

«Следующая станция Новые Черёмушки. Будьте вежли-

вы, уступайте места...»

– Катюнь, я в метро, плохо слышно. Ладно, я сейчас бабушке наберу, ага... блин, ты сама не найдёшь. Это в бабушкиной комнате.

– Коллеги, доброе утро! Жду всех в три часа у меня в кабинете!

Потом, кажется, на немецком, старушечий голос.

Потом бьют часы! И совсем незнакомая речь!

Голоса меняются! Будто за стеной проплывает весь земной шар, поворачивается к нам разными материками.

Стена... бок... Экран кажется теперь холодным. Он будто застывает у меня под пальцами. Как воск затушенной свечки. Здесь свечей больше, чем у нас, энергии городского экрана не хватает, а дополнительную купить тоже не все могут. Поэтому бывают свечки и печки. Я видела у Тай в квартире.

От экрана идёт бормотание, совсем неразборчиво, на непонятном языке. Монотонное, как молитва.

Мои мама и папа далеко.

Я глажу белую холодную стену.

Бормотание обрывается. Шум поезда. Дрожащая мелодия, кажется, это скрипка. Потом просто щелчки и постукивание, потом совсем тихо.

Пустая белая комната, холодная стена. Я стою на коленях, обнимаю эту стену обеими руками. Наверное, со стороны это красиво. С точки зрения зрителя. Например, Лария. Надо спросить, как ему это всё? Я нормально? Справилась? Или

Экрану не понравилось, что я на него ору?

Я оборачиваюсь. Комната пуста. Давно Ларий ушёл? Я о нём вообще забыла. Резко вскакиваю. Голова кружится. Ноги затекли. Этот почти не больно, но я начинаю плакать.

Наверное, от всего сразу.

Плачу и иду по комнате, выхожу в коридор. Пусто.

– Эй! Отец Ларий! Вы здесь? Алло! Эй! Есть кто-нибудь? Георгий Анатольевич?

Тишина.

Белая пустая квартира. Входная дверь с этой стороны тоже белая. Я её не сразу могу найти. А когда нахожу, она не поддаётся. Я дёргаю ручку, пинаю обшивку, дверь теперь вообще ни разу не белая...

Закрывается!

Отлично, блин.

Меня заперли внутри экрана.

Я снова сижу у стены, на том же самом месте. Прислонилась щекой и смотрю, как по экрану пятна кружат. Медленные разноцветные пятна, как в лавовой лампе. Может, я сама в лампе? В ловушке или в укрытии?

Сперва мерцает и переливается та стена, у которой я сижу, потом соседняя, потом та, что напротив... Она загорается лиловым, а потом точно так же, лиловым, медленно загорается и гаснет потолок. А вот пол такой как раньше: старый крашеный паркет. И хорошо. По такому мерцающему мне

было бы жутко идти. Но если что, я выбегу, не раздумывая, хоть по потолку. Было бы куда.

Я обошла всю квартиру. Порадовалась, что тут есть ванная комната. Воды попила. Умылась – это помогло сосредоточиться. Ещё раз прошлась по комнатам. Дверь закрыта, окна тоже. Они забиты гвоздями, так просто не открыть.

В ванной есть ножницы, можно попробовать ими окно расковырять.

А можно просто сидеть и ждать. Думать, куда делся Ларий. Он меня нарочно запер, как пленницу? Или он меня спрятал, в укрытие, от опасности? Или он вообще ничего такого не планировал, а случилось что-то непредвиденное и ему пришлось срочно уйти? Или его похитили? Может, Экраном засосало?

Почему он мне ничего не сказал? Поперёк белого экрана тянется теперь синяя узкая полоса. Она то дрожит, как провода на ветру, то идёт волнами... может, это такая письменность? Экран пробует со мной разговаривать? Сам, не чужими воспоминаниями.

Он что, живой?

Становится жутко.

Я снова выскакиваю в коридор. Снова дёргаю ручку входной двери.

– Помогите! Отец Ларий! Мама! Мамочка!

У меня за спиной раздаются звуки. Голоса, шуршание, аплодисменты, скрип двери, плеск воды.

Может, они там все оживают на стенах и потолке. Может, сейчас прорвутся сюда ко мне.

– Помогите!

Я дёргаю дверь. Давлю на неё изо всех сил. Ору.

Кажется, голоса и шум за стеной стихают. Пальто мешает дёргать дверь. Тяжёлое, жаркое. Я сбрасываю его на пол. Оно звякает тонким металлическим звуком.

Откуда? У пальто деревянные пуговицы, они не так стучат.

Я нагибаюсь. На полу лежит кружевной платочек с вышивкой. Подарок мамы Толли. Рядом с ним маленький блестящий ключик. Подарок Тай. Знак клана ключа. Я его всё время перекладываю из кармана в карман. Ношу в носовом платке, чтобы никто не догадался.

Но, может, этот ключ не просто знак клана? Да, он маленький, почти игрушечный. Но всё равно может что-нибудь открыть.

Я снова цепляюсь за дверную ручку. Только сейчас замечаю, что прямо в неё вделан замок, крошечный, в самый раз для моего ключа.

Хватаю ключик, боясь, что он сейчас выскользнет и пропадёт с концами. Подношу к скважине.

– Да нет же! – За моей спиной зашептал женский голос: – А ты всё получишь, ты только не плачь... Я тебе говорю, на счёт вот этого вообще бесполезно переживать...

Я дёргаюсь. Пальцы не разжимаю, но проезжаю мимо

скважины.

Оборачиваюсь. В той комнате, где я слышала голоса мамы с папой, мерцает экран. Красные разводы и белые полосы. И голоса. Теперь вместо женского шёпота настойчиво гудит мужской бас. Язык я не понимаю, только интонации. Отчаянные. Не боль, нет. Похоже на крики тётки Тьмы, когда она требует сил для экрана. И на те крики после аварии, когда меня вынули из машины, а папу били о капот.

Сейчас я даже не знаю, о чём кричат. Но именно поэтому мне хочется сбежать отсюда куда угодно. Потолок над головой тоже мерцает и переливается. До рези в глазах. Но у меня всё равно получается нашарить чёртов ключ на полу. Поднести к замку.

Вот же щёлочка, вот сюда вставляю...

Дверь распахивается, чуть не смазав меня по лицу. Снаружи, на гулкой прохладной лестнице, стоит отец Ларий. Улыбается, сложив руки на круглом животе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.